

Это было новейшее сообщение из Сюньчжоу, что в Цзяннани, с приложенной фотографией старшего брата Цзян Чэна — Цзян Сюя.

Старший сын семьи Цзян, пропавший более полугода назад, согласно сообщениям доверенных лиц Цзян Чэна на южном побережье, недавно появлялся в Хуайнани, контактируя с несколькими студенческими организациями южных повстанцев!

Это была поистине шокирующая новость. Как только Цзян Чэн получил телеграмму, он немедленно связался с агентом в Сюньчжоу, чтобы подтвердить достоверность информации, а затем доложил Цзян Чжия. Очевидно, Цзян Чжия уже был в курсе. Когда Цзян Чэн вернулся в резиденцию Цзян, он услышал приглушённые рыдания своей матери, Сун Шучжэнь, доносящиеся с верхнего этажа.

Цзян Чэн поклонился своему отцу, но Цзян Чжия жестом остановил его:

— Это дело необычайной важности, и оно требует особого внимания. Мне самому неудобно покидать резиденцию, так что, похоже, тебе придётся лично отправиться в Цзяннань, чтобы избежать дальнейших осложнений!

— Да! — кивнул Цзян Чэн, а затем добавил:

— Отец, после покушения на Иду Казуюки, одного Лю Мянью вряд ли удастся убедить японцев. Они повсюду кричат, что за Лю Мянью стоит кто-то более влиятельный, раздувая эту историю, и, похоже, используют её как предлог для вторжения. К тому же ваш юбилей уже на носу, и когда соберутся гости со всех сторон, мое отсутствие может вызвать ненужные подозрения...

— Эх, — прервал его Цзян Чжия, — я прожил достаточно долго, чтобы справиться с этим без твоей помощи! Твоя мать слишком переживает в последнее время, и если это действительно твой старший брат появился в Хуайнани, то его возвращение станет огромной поддержкой для нашей семьи. Ты отправляйся, а я здесь разберусь.

— Да! — выпрямившись, Цзян Чэн поклонился Цзян Чжия. — Берегите себя. Я прощаюсь.

Он приказал связаться с агентом в Цзяннани, чтобы обеспечить поддержку на всём пути от Цзиньчжоу до Сюньчжоу. Большая часть территории Цзяннани ещё не была затронута войной, торговля процветала, и обстановка оставалась относительно стабильной. В концессиях можно было найти убежище.

Он стремительно вернулся в поместье и сказал водителю Лао Чжану:

— Ты и Сяо Ли быстро соберите всё необходимое. Мы уезжаем в полдень!

Лао Чжан ответил «да» и поспешил выполнить приказ. Когда Цзян Чэн вошёл в поместье, Гу Шэн сидел внизу, листая книгу. Услышав шум, он закрыл её и встал:

— Что случилось?

Только сейчас Цзян Чэн заметил его. Его взгляд скользнул по театральной программе на столике, и он вдруг вспомнил, что утром Гу Шэн говорил о приглашении от шанхайского магната на новогоднее представление. Он громко рассмеялся:

— Какое совпадение! Мне тоже нужно срочно отправиться на юг. Только что получил телеграмму: мой давно пропавший брат найден в Цзяннани, и Цзян Чжия настаивает, чтобы я

лично поехал за ним.

Он выглянул с лестницы и с долей сожаления добавил:

— Ну, ты видишь, я не специально слеую за тобой в Цзяннань. Ладно, собирай свои вещи, я разрешаю взять дополнительную сумку!

Гу Шэн замер, его лицо на мгновение выразило сложные эмоции. Он положил книгу и, немного поколебавшись, сказал:

— Мои вещи уже собраны. Но... разве ты не занят подготовкой к юбилею главнокомандующего Цзяна? Разве тебе не нужно оставаться в Цзиньчжоу?

В его голосе невольно прозвучало разочарование. Именно из-за этого совпадения Цзян Чэн получил законный повод отправиться в Цзяннань вместе с ним. А приглашение от шанхайского магната уже было принято, и Гу Шэн не мог внезапно отказаться.

— Здесь Цзян Чжия сам всё контролирует. К тому же у него есть войска в Сюньчжоу, и у меня есть задача восстановить связь с бывшими соратниками... — Цзян Чэн, очевидно, неправильно понял причину его внезапной подавленности, но всё же спустился с лестницы, вздохнул и нежно погладил шею молодого человека.

Городские ворота рухнули, ветер и дождь бушевали, холодный северный ветер проносился над землёй, и вся страна казалась мёртвой.

На поле боя поднимались клубы дыма, дождь и снег гасили огонь, закат медленно опускался на запад, и над бескрайними просторами разливалась печальная песня. Ветер поднимал пыль на сотни метров вверх, а закат сиял кровавым светом.

Внедорожник мчался через горы и долины, сминая белую траву, переезжая останки погибших. Дворцы лежали в руинах, стены почернели и обвалились, бедные дома были разрушены, города превратились в хаос. Всюду, где проезжала машина, царили страдания: солдаты бесчинствовали, а мирные жители бежали толпами.

Они не выбрали самолёт, а решили ехать на машине день и ночь. Хотя это было утомительно, зато позволяло избежать внимания недоброжелателей.

В этот момент Гу Шэн сидел на заднем сиденье, его взгляд скользил по мелькающим за окном пейзажам, а лицо казалось каким-то странно безразличным. Цзян Чэн вдруг вспомнил, как много лет назад, когда он впервые силой забрал Гу Шэна из театра, тот тоже сидел на заднем сиденье. Полузакрытое окно отделяло его от шумных улиц, но его глаза, похожие на воду, отражали свет неба, наполненный чем-то, что было похоже на печаль.

Цзян Чэн боялся, что Гу Шэн может впасть в уныние, поэтому не стал задерживаться и продолжил путь.

На самом деле в последние два дня Гу Шэн был каким-то вялым. Цзян Чэн, после того как признался Ду Ханю в своих чувствах, старался измениться и начать всё заново. В резиденции Маолинь он сдержался и не позволил себе лишнего, а в остальном старался исправить свои прошлые ошибки и продолжать делать то, что у него получалось, всегда уступая Гу Шэну.

Видя его подавленное настроение, Цзян Чэн решил, что он просто слишком чувствителен. Ведь Гу Шэн уже укоренился в Цзиньчжоу, и снова оказаться в пути могло вызвать у него грусть. К

тому же война на севере снова разгорелась, и Цзян Чэн чувствовал свою ответственность. Поэтому он старался сделать это путешествие в Цзяннань больше похожим на совместную прогулку.

Гу Шэн, вероятно, заметил его усилия, но не стал отвечать. Иногда он доставал из чемодана шкатулку с театральными украшениями, и его тонкие пальцы медленно скользили по изысканным предметам. В его глазах была теплота, которую Цзян Чэн никогда раньше не видел, и в то же время какая-то непонятная холодность.

Когда Цзян Чэн снова увидел, как он играет с этими вещами, он подумал, что Гу Шэн, возможно, хочет вернуться на сцену, и поспешил утешить его:

— Эй, не переживай слишком сильно. В Шанхае любят театр не меньше, чем в Цзиньчжоу. Когда мы приедем, я представлю тебя Фэн Чжэну, и он точно окажет тебе должное уважение.

Фэн Чжэн был тем самым магнатом, который прислал приглашение Гу Шэну. Он был влиятельной фигурой на юге, контролировал и легальные, и нелегальные дела, и даже в отдалённом Сюньчжоу люди зависели от его благосклонности. Когда-то он получил поддержку от Цзян Чжия, и политика Цзян Чжия заключалась в том, чтобы привлечь его на свою сторону. Если не удастся стать друзьями, то хотя бы не превращаться во врагов. Цзян Чэн продолжил эту политику, и теперь, отправляясь в Цзяннань, он мог использовать Гу Шэна как предлог, чтобы замаскировать свои истинные цели.

Гу Шэн равнодушно кивнул, и его взгляд снова устремился в окно.

Цзян Чэн боялся его молчаливого кивка, чувствуя себя неуверенно. Видя, что он всё ещё держит деревянную шкатулку, он попытался заговорить:

— Вижу, тебе нравится этот головной убор. Говорят, на юге ещё осталось несколько мастеров, занимающихся украшениями. Когда мы приедем, я попрошу их сделать для тебя новый...

— Не нужно, — раздражённо ответил Гу Шэн. — Я устал.

— Ох, ладно. Холодно? Возьми моё пальто? — Цзян Чэн поспешно кивнул, поднял пальто с переднего сиденья. — Тогда отдохни немного... Мы должны добраться до места до наступления темноты...

Гу Шэн лёг на заднее сиденье, всё ещё крепко сжимая тёмный дубовый ящик. Его взгляд на мгновение задержался на потолке машины, а затем медленно опустился.

Цзян Чэн, глядя в зеркало заднего вида, вдруг почувствовал, что в этом взгляде скрывалась какая-то печаль.

Три дня спустя.

Группа Цзян Чэна уже приближалась к границе Цзяннани. Пейзаж за окном значительно изменился. Дикие земли Цзянбэя в декабре потеряли свой северный суровый характер, и в местах, не затронутых войной, всё ещё сохранялась атмосфера спокойствия.

Шум реки доносился издали, и шпили готической церкви появлялись в тумане.

Цзян Чэн, освободив одну руку, перелистал карту и повернулся к Гу Шэну:

— Мы почти переправимся через реку. Хочешь перекусить или продолжим путь? Как ты себя чувствуешь?

Гу Шэн на заднем сиденье закрыл глаза и покачал головой. Цзян Чэн, подумав, всё же остановил машину и протянул ему пирожное с ананасом.

Гу Шэн медленно открыл глаза, но не взял угощение. Он открыл дверь, прислонился к ней, выпил несколько глотков воды и, опустив голову, выглядел бледным и измождённым.

Цзян Чэн, предполагая, что этот путь по короткой дороге был слишком утомительным, осторожно погладил его по спине:

— Эй? Тебе плохо?

Автор хотел бы сказать:

Эх, трагические истории сейчас не в моде... Чувствую себя так, будто замерз до костей на Северном полюсе, дрожу, но всё равно нужно мужественно продолжать писать ради любви.

<http://bllate.org/book/16144/1445778>